

## STUDIUL CULTUROLOGIC

Вальдемар КАЛИНИН

## ЦЫГАНЕ В ЗЕРКАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР (III–V)

DOI: 10.5281/zenodo.3595153

## Rezumat

## Imaginea țiganilor în literaturile slavone orientale

Articolul redă imaginea țiganilor în literaturile slavone orientale – rusă, belarusă, ucraineană. Imaginea țiganilor în tradiția literară a fost adesea construită pe baza atitudinii populației locale față de țigani, ca urmare a formării anumitor stereotipuri. Țigani din teritoriul Imperiului rus au apărut în a doua jumătate a secolului al XVIII-lea și deja la începutul secolului al XIX-lea au atras atenția scriitorilor, muzicienilor și artiștilor. Pe baza numeroaselor exemple din operele poezilor și prozatorilor, reprezentanți ai literaturilor slavone orientale, sunt evidențiate dinamica formării imaginii țiganilor, particularitățile lor fiind relevate prin prisma autorilor, în diferite perioade de timp.

**Cuvinte-cheie:** țigani, imagine artistică, abordare culturală, stereotipuri, literatură slavonă de Est.

## Резюме

## Цыгане в зеркале восточнославянских литератур

В статье рассматриваются представления о цыганах в восточнославянских литературах – русской, белорусской, украинской. Образы цыган в литературной традиции строились зачастую на основе отношения местного населения к цыганам, в результате чего формировались определенные стереотипы. Цыгане на территории Российской империи появились во второй половине XVIII в., и уже в начале XIX в. попали в поле зрения писателей, музыкантов и художников. На многочисленных примерах из произведений поэтов и прозаиков восточнославянских литератур прослеживается динамика формирования образов представителей цыганского народа, выявляются их особенности в разные периоды времени сквозь призму восприятия авторов.

**Ключевые слова:** цыгане, художественный образ, культурологический подход, стереотипы, восточнославянские литературы.

## Summary

## Gypsies in the mirror of East Slavic literatures

The article analyzes representations about the Roma people in the Russian, Belorussian, and Ukrainian literatures. The images of Roma in the literature were often built on the ground of the existing stereotypes. Roma arrived to the territory of the Russian Empire in the second half of XVIII century. In the early XIX century, they were for the first time described by some writers, musicians, and painters. The author accumulated a great number of novels, stories and poems, that were written by Russian, Belo-

russian, and Ukrainian writers and describes Roma. There were analyzed the dynamic of Roma images' creating in the different periods of time.

**Key words:** Gypsies, image, culturological approach, stereotypes, East Slavic literature.

## III

Крушение этических, эстетических, мировоззренческих идеалов, явившееся естественным следствием Октябрьского переворота, неизбежно отразилось на русской поэзии первых послереволюционных десятилетий. В творчестве крупнейших поэтов этого периода, таких как Марина Цветаева и Осип Мандельштам, само употребление слов «цыган», «цыганка», «цыганский» стало метафорой русской культуры, потерявшей почву.

Исполненное неподдельного трагизма стихотворение О. Мандельштама 1925 г. «Сегодня ночью не солгу...», в котором появляется тревожный образ *цыганки, лишенной своих чар и своих тайн*, является одним из шедевров русской поэзии [40].

Достаточно начать чтение этого стихотворения, чтобы услышать характерную тревожную ритмику Мандельштама

*Сегодня ночью, не солгу,  
По пояс в тающем снегу  
Я шел с чужого полустанка.  
Гляжу – изба, вошел в сенцы,  
Чай с солью пили чернецы,  
И с ними балует цыганка...*

*Она сидела до зари  
И говорила: – Подари  
Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок...*

Эта черная изба – как прообраз всей послереволюционной России, в которой «чернецы» по-прежнему пытаются то петь, то просить цыганку рассказать о судьбе, но ничего у них не получается. Не работает старая метафора (то есть не работают законы жизни):

*Того, что было, не вернешь.  
Дубовый стол, в солонке нож  
И вместо хлеба – еж брюхатый;  
Хотели петь – и не смогли,  
Хотели встать – дугой пошли  
Через окно на двор горбатый.*

И вот уже от «русских образов» остались совсем невнятные остатки:

*И сквозь прозрачное рядно  
Молочный день глядит в окно  
И золотушный грач мелькает...*

В советском и современном русском литературоведении каким-то неведомым образом никогда не отмечалось, что в самых главных для Осипа Мандельштама, в самых его «программных» стихотворениях присутствуют цыгане.

Появляются они и в таком шедевре 1931 г., как «С миром державным я был лишь ребячески связан...»:

*С важностью глупой, насупившись,  
в митре бобровой  
Я не стоял под египетским портиком банка,  
И над лимонной Невою под хруст сторублевый  
Мне никогда, никогда не плясала цыганка.*

Возникает цыганский образ и в не менее известном стихотворении «Полночь в Москве ...» (1931):

*Бывало, я, как помоложе, выйду  
В проклеенном резиновом пальто  
В широкую разлаплицу бульваров,  
Где спичечные ножки цыганочки  
В подоле бьются длинном,  
Где арестованный медведь гуляет –  
Самой природы вечный меньшевик.*

И «спичечные ножки цыганочки в подоле длинном», и медведь на цепи, «самой природы вечный меньшевик», – участники и знаки прошлого. Подобно самому поэту, они тоже не принадлежат настоящему.

*Не гадают цыганочки кралям,  
Не играют в Купеческом скрипки...  
(«Как по улицам Киева-Вия...», 1937)*

Другому русскому поэту, Владимиру Набокову, в далекой эмиграции звучит голос, который кажется ему голосом родины, – а ведь это цыганский голос:

*Как распевала она! Проплывало  
сердце ее в лучезарных струях,  
как тосковала,  
как распевала,  
молясь быломu в чужих краях,  
о полнолуныи небывалом,  
о небывалых соловьях.*

*И в темноте пылали звуки, –  
рыдающая даль любви,*

*даль – и цыганские разлуки,  
ночь, ночь – и в роще соловьи.  
(«Верь, вернутся на родину все...», 1923)*

Из стихотворений, в которых Марина Цветаева говорит о цыганской судьбе, о цыганской жизни, о цыганской любви можно составить объемный сборник: кажется, ни один из русских поэтов не принял так близко к сердцу идею цыганской «неприкаянности» и цыганской «потерянности» в мире [66].

Разумеется, можно было бы говорить все о той же романтизации реальных цыган. Однако цветаевская тайна в другом – она пишет не о цыганах, не о цыганской жизни и судьбе. Она пишет о себе – так, как если бы она, подобно цыганке, вдруг увидела собственную бездомную судьбу.

Первое «цыганское» стихотворение появилось у Цветаевой еще в 1915 г., когда поэт только начинал свой творческий путь. Характерно, что сегодня – это «классическая» Цветаева, а выражение «цыганская страсть разлуки» попросту вошло в современный русский язык как устойчивое словосочетание:

*Цыганская страсть разлуки!  
Чуть встретишь – уж рвешься прочь!  
Я лоб уронила в руки,  
И думаю, глядя в ночь:*

*Никто, в наших письмах роясь,  
Не понял до глубины,  
Как мы вероломны, то есть –  
Как сами себе верны.*

С этого стихотворения начинаются следующие многочисленные «отсылки» Цветаевой к «цыганской» стороне жизни:

*Как цыганка тебе дала  
Камень в резной оправе,  
Как цыганка тебе вjala  
Что-то о славе...  
(«Сколько спутников и друзей», 1916)*

*Милые спутники, делившие с нами ночлеги!  
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...  
Рокот цыганских телег,  
Вспять убегающих рек –  
Рокот...*

*Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре  
Помните жаркое ржанье и степь в серебре?  
Синий дымок на горе,  
И о цыганском царе –  
Песню...*

*В черную полночь, под пологом древних ветвей,  
Мы вам дарили прекрасных – как ночь – сыновей.  
Нищих – как ночь – сыновей...  
И рокотал соловей –  
Славу...*

*Не удержали вас, спутники чудной поры,  
Нищие неги и нищие наши пиры.  
Жарко пылала костры,  
Падали к нам на ковры –  
Звезды...*

(«Милые спутники, делившие с нами ночлег...»,  
1917)

В том же революционном 1917 году, находясь еще в опьянении грозой надвигающейся революции, молодая Цветаева призывает саму себя «быть цыганкой»:

*Знай одно: что завтра будешь старой.  
Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,  
Синеокою цыганкой будь.  
Знай одно: никто тебе не пара –  
И бросайся каждому на грудь.*

Еще более «буйным» и импрессионистичным является стихотворение «Цыганская свадьба» (июнь 1917 г.):

*Из-под копыт  
Грязь летит.  
Перед лицом  
Шаль – как щит.  
Без молодых  
Гуляйте, сваты!  
Эй, выноси,  
Конь косматый!*

*Не дали воли нам  
Отец и мать,  
Целое поле нам –  
Брачная кровать!  
Пьян без вина и без хлеба сыт, –  
Это цыганская свадьба мчит!*

*Полон стакан,  
Пуст стакан.  
Гомон гитарный, луна и грязь.  
Вправо и влево качнулся стан.  
Князем – цыган!  
Цыганом – князь!  
Эй, господин, берегись, – жжет!  
Это цыганская свадьба пьет!*

*Там, на ворохе  
Шалей и шуб,  
Звон и шорох*

*Стали и губ.  
Звякнули шпоры,  
В ответ – мониста.  
Свистнул под чьей-то рукою  
Шелк.  
Кто-то завыл как волк,  
Кто-то как бык храпит.  
– Это цыганская свадьба спит.*

Революция, промчавшаяся над Россией, как цыганская свадьба, начинает приобретать совсем другие черты, когда Цветаева увидела в ней (в революции) «великий обман»:

*Я расскажу тебе – про великий обман:  
Я расскажу тебе, как ниспадает туман  
На молодые деревья, на старые пни.  
Я расскажу тебе, как погасают огни  
В низких домах, как – пришелец египетских  
стран –  
В узкую дудку под деревом дует цыган.*

*Я расскажу тебе – про великую ложь:  
Я расскажу тебе, как зажимается нож  
В узкой руке, – как вздымаются ветром веков  
Кудри у юных – и бороды у стариков.*

*Рокот веков.  
Топот подков.*

Вот тогда-то, по странной, но закономерной поэтической прихоти, устав от «цыганского варава разлуки» с Родиной, Цветаева «отнимает» у революции право «быть цыганкой» и окончательно «присваивает» это право себе. Теперь только она и ее судьбы – цыганские:

*Та ж молодость, и те же дыры,  
И те же ночи у костра...  
Моя божественная лира  
С твоей гитарою – сестра.  
(«Та ж молодость, и те же дыры...», 1920)*

Вот теперь-то она клянется:  
*Буду жалеть, умирая, цыганские песни,  
Буду жалеть, умирая, цыганские перстни...*

Даже своего любимого, отнюдь не цыгана, любовь к которому унесла Цветаеву далеко от любимой Москвы, она называет теперь цыганом:  
*И оттого что оком – желт,  
Ты мне орел – цыган – и волк.*

*Цыган в мешке меня унес,  
Орел на вышний на утес,  
Восхитил от страды мучной...*

Мы взяли для нашего очерка лишь малую часть творческого наследия Марины Ивановны Цветаевой – те именно стихотворения, где «цыганское» явно выражено в стихотворной речи.

Но каким бы могло быть будущее исследование творчества Цветаевой с таких вот «цыганских» позиций! Ведь, как это и бывает у больших поэтов, значительная часть «цыганского» у Цветаевой не выражена явно, она скрыто присутствует: речь и манеры, кудри и кольца, костры и ветры в ее стихах могут не называться в лоб «цыганскими», но по всей своей смысловой сути таковыми являются.

Оставим роскошь этих открытий будущим исследователям...

В советскую эпоху литература восточнославянских народов (впрочем, как и литература всех народов, вошедших в СССР) решала задачи, весьма далекие от истинных целей литературы – большевики сразу же определили, что искусство «принадлежит народу». Это означало, в переводе с коммунистического на человеческий язык, что литература обязана выполнять задачи, которые ставит перед ней коммунистическая партия.

Коммунистической же партии, простоудушно уверенной в том, что она способна «воспитать нового человека», уважительное отношение к сотням наций и национальностей, населявших СССР было не с руки. Знаменитое выражение Максима Горького, записанное им под диктовку «великого отца народов» Иосифа Сталина, требовало: «Искусство должно быть народным по форме и социалистическим по содержанию». Что при этом имели в виду большевистские мудрецы, неизвестно: эти «диалектики» вообще отличались великим умением быть большими схоластами и «выражаться коротко и неясно».

В новой действительности цыгане должны были перестать быть цыганами, а превратиться в новых, «красных» цыган – строителей социализма. Нечто похожее происходило и в новой литературе.

Можно с уверенностью говорить, что там, где вдруг появлялись цыгане – как носители идеи воли, как наследники вековых традиций, – мы имеем дело с «не совсем советским» поэтом или писателем, а с теми, которых вожди Союза советских писателей несколько свысока называли «попутчиками».

За семьдесят с небольшим лет в советской литературе возникло не так уж и много произведений, в которых так или иначе упоминались бы цыгане.

Лексическая выборка на слово «цыган» в «Электронной библиотеке Мошкова» (один из

самых популярных литературных порталов в современном рунете) даст вам около трех сотен ссылок на произведения советского периода. И вы с удивлением поймете, что эти многочисленные ссылки только доказывают, что советская литература умудрялась обходить цыганскую тему.

Вы вдруг увидите, что в многостраничных произведениях советского классика Михаила Шолохова нет ни одного цыганского персонажа, зато множество словоупотреблений вроде «цыганские глаза», «с волосами, черными как у цыгана», «цыганский норов». Все эти выражения относятся к персонажам, которые цыганами не являются – у Шолохова это просто сравнения [70].

В романе крупного советского писателя «второго ряда» Вениамина Каверина «Открытая книга» мелькнет мать главной героини, старушка-цыганка, в уста которой небесталанный Каверин вложит фразы, списанные из пьесы А. Островского «Бесприданница». Незамысловато? Ну, что поделаешь! Хорошо хоть так. «Инженер человеческих душ» Каверин хотел, видимо, сделать своей главной героине «комплимент из-за угла» – она-де страстная натура [28].

Литература «новая», а секрет старый, еще от романтиков: цыгане-де люди странные и страстные.

Нечто подобное происходило и у других писателей и поэтов. «Инженерам человеческих душ», как М. Горький назвал советских писателей, было изначально ясно, что цыгане мало годятся для произведений о строительстве социализма.

В первые годы советской власти в произведениях Сергея Есенина еще можно встретить сравнение «цыганский нож». Друг Есенина и сам интереснейший поэт Сергей Клычков еще называет луну «цыганским солнцем» (что, впрочем, заимствовано из фольклора) [31].

Эти сравнения действительно яркие, ведь «цыганский нож» обозначает неподчинение общим правилам, а «цыганское солнце» – «перевернутость» цыганского сознания. Эти сравнения являются и не сравнениями вовсе, а глубокими метафорами, рядом с которыми уже упомянутые шолоховские «цыганские глаза» – просто кокетливый эпитет.

Между прочим, в одном стихотворении того же Сергея Есенина («Видно, так заведено навеки...», 1925) появляется небольшая реалистическая зарисовка необычного способа цыганского гадания: цыганка стоит с коробкой, на краю которой сидит попугай, а в коробке находятся



разные предметы. Человек задает цыганке вопрос о своей судьбе и получает из клюва попугая какой-нибудь предмет, который символически говорит о будущем:

*Вынул я кольцо у попугая –  
Знак того, что вместе нам сгореть.*

*То кольцо надела мне цыганка,  
Сняв с руки, я дал его тебе... [25].*

Возможно, самым первым сочинением на цыганскую тему в послереволюционной белорусской литературе явилась поэма «Цыганка» Павла Труса (Паўлюк Трус, 1904–1929), одного из талантливейших поэтов 20-х гг., рано погибшего при загадочных обстоятельствах. Имя его мало известно даже рядовому белорусскому читателю, поэтому в двух словах обозначим вехи биографии поэта [60].

Родившись в небольшом белорусском местечке и окончив там школу, П. Трус приезжает в Минск с мечтой стать учителем. Здесь он оканчивает педагогический техникум и становится одним из наиболее заметных поэтов литературной группы «Молодняк», секретарем одноименного литературного журнала. Эти поэты пытались соединить новые коммунистические идеи с идеями подъема белорусской культуры. Впоследствии литературная группа, как и сам журнал, будет жестоко разгромлена идеологами компартии за направленность на белорусизацию школы и литературы. Есть предположения, что поэт стал жертвой отравления, когда поехал по Белоруссии реализовывать программу белорусизации: здоровый молодой человек внезапно смертельно заболел и, возвратившись в Минск, умер в больнице без какого бы то ни было ухода и наблюдения...

Целиком эта поэма, написанная в 1925 г., при жизни поэта не публиковалась. Сохранившиеся большие ее части позволяют оценить глубокую лирическую силу, уверенное владение белорусским поэтическим словом.

Ценной особенностью этого произведения является сквозной образ родной белорусской земли, ее лесов и рек, ее лугов и – осознание такой же природной близости к этой белорусской земле живущих на ней цыган. Эта общность усилена еще и тем, что поэт рассказывает о своей первой любви к цыганской девушке Мариуле, о расставании с ней, «о сердце, полном смятения», оттого, что оно «крыницей сочится». Истинным и взволнованным лиризмом пронизаны сцены, связанные с картинами цыганского табора:

*Моўчала ноч у цвете долу,  
Зялены гай не гаманіў...  
Успомніц сеньня мімаволі  
Цябе, ў разгульнасці вяселаі  
Цыганскі табар пры агні!*

.....  
*А там, за табарам, у змроку  
Мігае постань цыгана:  
Ў тумане сінім недалёка  
Звініць мінорная струна...*

Мы попытались поискать у советских писателей и поэтов новый, «социалистический» портрет цыгана – и не нашли.

Приходится задним числом благодарить «инженеров человеческих душ» за то, что им так талантливо *не удалось* свершить это «благодеяние» для цыган, и они не попытались создать «эпохальный новый образ» цыгана. Не было его в жизни, не появился он и в литературе.

Меньше повезло, например, евреям (см. поэму Иосифа Уткина о «Красном Мотыле») – там социализм «изменяет мутное национальное сознание», и храбрый Мотыле с маузером идет утверждать «новую жизнь» [62].

Словно по привычке, «новая» литература эксплуатирует старый романтический штамп о «раздольности» цыганской души, ее «вольности». В результате получаются «цыганские романсы» (именно те, которые без преувеличения можно отнести к так называемой «цыганщине» в искусстве), как, например, произведение автора многочисленных русских и цыганских романсов Константина Подревского:

*Ехали на тройках с бубенцами,  
А кругом мелькали огоньки!  
Если бы, соколики, да с вами  
Душу бы развеять от тоски!*

*Дорогой длинною да ночкой лунною,  
Да с песней той, что вдаль летит, звеня,  
Да с той старинною, да семиструнною,  
Что по ночам так мучила меня! [49]*

Судьба именно этой песни удивительна: увезенная на Запад русскими эмигрантами, она была любима цыганскими исполнителями, а в шестидесятые годы ее запела по-английски М. Хопкин, которую спродюссировал сам Пол Маккартни – и она стала всемирным хитом.

Следует сказать, что так называемая «цыганщина» становится в первые послереволюционные годы НЭПа (Новой экономической политики) чем-то вроде пароля для писателей, далеких

от коммунистических идеалов. Красивая цыганская песня, пляска – это ведь примеры старого устойчивого дореволюционного мира. Не случайно, наверное, известное стихотворение поэта-эмигранта Бориса Филиппова, ставшее одной из самых популярных «цыганских» песен, называется «Цыганская ностальгическая»:

*Слышен звон бубенцов издалика, –  
Ну так что ж? – пусть звенят, пусть звенят!  
Потонула, исчезла глубоко, –  
И отцвел – не расцветши – наш сад.*

*Мы бредем, мы скользим, мы как тени,  
Как сухая под ветром листва...  
Пусть терпенье, пусть песни, пусть пени –  
Отзвенела, потухла Москва... [64]*

Так легко обвинить автора в «мелкобуржуазности» и безвкусице. Что, я думаю, коммунистические критики и делали в свое время: песни эти – действительно ресторанные «шлягеры». Тут тебе и кони, и звенящие бубенцы, и длинная дорога, и семиструнная гитара, и потонувшая в прошлом Россия.

Существовал целый пласт «любителей» цыганской песни – в шикарных нэпманских и парижских кабаках. Слово и не было в окружающей действительности босых ног и голодных глаз маленьких «советских» цыганят...

Мы, разумеется, далеки от теоретических установок советской литературной критики конца 20–30-х гг. Прежде всего потому, что на примере цыганского «русского» романса ясно выражена одна из главных тенденций искусства – процесс формирования традиции и канона. Именно потому и существует «цыганский канон» романса, что его основные темы являются одновременно основными «темами» самой жизни: любовь, судьба, разлука, воля, счастье и несчастье – вот основные смысловые вехи этого канона.

Весьма ярким доказательством служит «Цыганский романс» известного русского писателя и поэта, узника сталинских лагерей с начала 30-х гг. и до самой хрущевской «оттепели» – Варлама Шаламова. Здесь все канонично – и стихотворный размер, и простая глагольная рифма, и «тревожная» лексика и, разумеется, все уже перечисленные только что признаки «цыганского» романсового канона:

*Не в первый раз судьба нас сводит,  
Не в первый раз в вечерний час  
Друг к другу за руку подводит  
И оставляет глаз на глаз.*

*Но мы выдергиваем руки  
Из рук настойчивой судьбы,  
Науки радостной разлуки  
Мы оба верные рабы [67].*

Но, согласитесь, в каждом каноне обязательно присутствует то, что искусствоведы называют «маньеризмом». Не случайно ведь наиболее известные и популярные шедевры цыганского романса принадлежат вовсе не великим поэтам!

Талантливым людям труднее использовать готовый шаблон – вот, например, какой предстает цыганская тема в набросках великого Бориса Пастернака «Поэма о ближнем»:

*Площадь сенная,  
Голуби, блуд.  
Красный цыган-конокрад,  
Смоль борода, у палатки  
Давится алчным распалом  
Запольшавшего сена [48].*

Обычная бытовая зарисовка, по-пастернаковски импрессионистичная. Да и цыган-то здесь «красный» не потому, что это «строитель социализма», а просто оттого, что рядом полыхает сено.

Владимир Кемецкий, талантливый русский поэт с необычной судьбой, узник Соловков, так и сгинувший безвестно в ГУЛАГе, является автором грустного и трезвого стихотворения «Гаданье»:

*Гадай, цыганка. Карты и слова,  
И формулы – равно пусты и живы.  
И все же – сколько раз, пока мы живы,  
О, прорицания, мы доверяли вам! [30]*

В этих строках – почти разгадка цыганской тайны: цыгане нужны потому, что они... необходимы, ибо:

*И вновь, и вновь из нашей тьмы, слепые,  
Мы заглянуть пытаемся туда,  
Где пребывают, скрыты навсегда,  
Прообразы судьбы и знаки огневые.*

Талантливый поэт новой послереволюционной формации Дмитрий Кедрин создал в конце 30-х – начале 40-х гг. несколько тончайших поэтических произведений, в которых присутствуют цыгане – такие, какими они и были в жизни. Вот, например, одно из самых лиричных стихотворений Кедрина «Бабка Мариула» (1941):

*После ночи пьяного разгула  
Я пошел к Проклятому ручью,  
Чтоб цыганка бабка Мариула  
Мне вернула молодость мою.*

*Бабка курит трубочку из глины,  
Над болотом вьются комары,  
А внизу горят среди долины  
Кочевого табора костры.*

Это, оказывается, только в передовицах газеты «Правда» «счастливый советский народ наслаждается новой жизнью в объятиях вождя-отца», а в реальной жизни (как сто и двести лет назад!) – «кочевого табора костры». И ответ старушки цыганки многозначителен и отмечен вечной мудростью:

*Отвечала бабка Мариула:  
«Не возьмусь за это даже я!  
Где звезда падающая мелькнула –  
Там упала молодость твоя!» [29].*

Годы Второй мировой войны стали для России годами Великой Отечественной, потому что народы СССР ощутили эту войну как угрозу самому своему существованию. Несомненно, правы те, кто считает, что она сплотила простых людей. Русский ты или казах, еврей или украинец, цыган или белорус – это вдруг показалось несущественным. Стальная машина Третьего рейха давила гусеницами хорошую или плохую, но мирную жизнь.

Одним из самых ярких послевоенных произведений о цыганах стала «Цыганская рапсодия» советского поэта Ярослава Смелякова. Сам прошедший лагеря ГУЛАГа, пользовавшийся среди коллег авторитетом неподкупного правдолюбца, Ярослав Смеляков стал и автором первого произведения о геноциде цыган [56].

Это большое стихотворение выполнено в привычной для Смелякова балладной манере и сразу начинается с настройки читателя на серьезный разговор:

*Нет в песне цыганского склада,  
Романса не выкроишь тут.  
Давно уж вблизи от Белграда  
Оседло цыгане живут...*

В Белград приходят гитлеровцы, «ушел в партизаны народ», а цыганята, которые «галдят, как галчата», остались в городе – они чистят сапоги оккупантам, постукивая щеткой о сапожный ящик, чтобы клиент сменил ногу:

*С утра и до вечера четко  
С веселым отчаяньем там  
Летают их черные щетки  
По кожаным тем сапогам.*

Но для гестапо – цыган расово неполноценен, это ошибка природы, «черновик», и однаж-

ды ночью фашисты сгребают всех цыганят и гонят в лес, где «уже застучал пулемет».

*Идя на смертельную муку,  
На плац счетверенный огня,  
Своим удивительным стуком  
Ответила вдруг ребяшня.*

<...>

*Звучит этот марш похоронный,  
Как словно бы праздничный туш:  
«Эх, загулял, загулял  
Парень молодой, молодой  
В красной рубашоночке  
Хорошенький такой!..»*

Мурашками по спине отзываются в читателе эти строки известной цыганской песни, поставленные Ярославом Смеляковым в смертельный контекст!

В послевоенные годы появляется роман Анатолия Калинина «Цыган» (1960–1974), в котором отразился этот, скажем прямо, довольно «национальный» дух, возникший в годы войны [27].

Клавдия Пухлякова, мать грудной девочки, находит у раздавленной немецкими танками цыганской кибитки мальчика и усыновляет его. Проходит 17 лет. Счастье матери, ничего не знающей об истинных родителях сына, омрачает страх, потому что неожиданно в селе появляется цыган Будулай и очень быстро завоевывает симпатии юноши... Кузнец Будулай прошел войну, был ранен, потерял всю свою семью – и неожиданно отыскал сына, которого сберегла для него Клавдия. Между Клавдией и Будулаем возникает трудная любовь...

В романе показана и «скользящая» для советских агитаторов тема вытеснения цыган в криминальные сферы контрабанды и наркоторговли. Собственно, и сам Анатолий Калинин, судя по тому, как он трактует это на страницах своего романа, склонен был считать оттеснение цыган в криминальный бизнес «наследием проклятого прошлого». В советском обществе тогда еще не возникли догадки о том, что это не наследие проклятого прошлого, а реальность «проклятого настоящего». Бывший солдат Будулай становится жертвой криминальных разборок и с трудом возвращается к жизни...

Критики романа уже высказывались о том, что автор рисует историю псевдоправдивую, что автору (сам он – донской казак) недостаточно известны тонкости цыганского быта. Тем не менее, у советского читателя роман получил широкое признание. Он издавался в СССР многомиллионными тиражами и был экранизирован: на его

основе дважды режиссерами Евгением Матвеевым (1967) и Александром Бланком (1979) был снят художественный фильм «Цыган».

Особенно популярным стал фильм Александра Бланка – это был один из первых советских телесериалов и, как принято говорить, улицы советских городов, поселков и деревень пустели, когда по телевизору шел этот сериал. В роли Клавдии снялась безусловная звезда советского кино Клара Лучко, в роли Будулая – молдавский киноактер Михаил Волонтир. После этой роли М. Волонтир стал одним из самых узнаваемых в СССР киноактеров. Позднее несколько раз предпринимались съемки продолжения этого фильма («Возвращение Будулая», «Цыганский остров»).

Следует признать несомненную удачу кинематографистов: в фильм им удалось вмонтировать таборные песни и пляски в исполнении известных цыганских певцов и танцоров из Москвы и Киева, были отобраны одни из лучших мелодий цыганского репертуара, что во многом предопределило и успех фильма у зрителя.

Необычным произведением на цыганскую тему являлась повесть классика белорусской литературы Владимира Короткевича «Цыганский король». Необычность заключается в том, что это – историческая повесть, и основана она на действительных фактах. Якуб Знамеровский считался «цыганским королем» времен Великого княжества Литовского.

Владимир Короткевич положил этот исторический факт в основу своей короткой искрометной повести. Шляхтич Знамеровский, получивший от польского короля грамоту на правление, устроил цыганское королевство «по всем правилам»: есть у него министры, есть свой «лейб-медик», есть даже «митрополит».

Оно невелико, однако же вот как описывает его сам «король» Знамеровский: «Знамеровское королевство, пускай бог милует его. Душ русинских два ста, египетского племени – от земли всей. Веси. Халупы. Жидишки. Чернев брод. При них земля пахотная и пастбищная. Урочища Ольховое окруженье и Княгинино, а также, равным образом, болото Недобылиха».

Сами цыгане, впрочем, о короле высказываются нелестно:

«Цыган поковырял пальцем в чубуке и вдруг взорвался:

– Видишь ли, конь ему понравился. Даем ему от каждого добытого десятка одного коня. От котлов тоже... По закону... Мало. Я спорил. Ну и вот. Ведь это же позор цыгану. Так тяжко тру-

диться за свою же собственность. Ободья с колес сбили... Чтоб его везли на таких колесах, когда он получит заслуженную рану в живот: со спицы на спицу, с колдобины в колдобину».

Цыгане долго думали, как усмирить безумствующего «короля». И придумали. Чтобы не оскорбить его «величество» и чтобы оставить все же ему право быть королем (на самом деле цыган вполне удовлетворял хоть какой-то, пусть и смехотворный, их юридический статус как граждан собственного королевства), цыгане решили надеть ему на голову мешок, закрыли спину медной сковородой и... за милую душу отлупцевали нижнюю часть королевского «величества» своими кнутами (как говорят, «устроили темную»). Знамеровский продолжал править цыганским королевством до самой своей смерти (наследников у него не было), но и урок пошел ему впрок: безгранично безумствовать он перестал.

Сочный и чистый белорусский язык Владимира Короткевича, мягкий лирический юмор и смелые фабульные ходы сделали повесть «Цыганский король» одним из маленьких шедевров белорусской литературы. И это одна из самых любимых книг белорусских цыган, ведь на ее страницах «черные как дьяволы» и «похожие на разбойников» цыгане предстают людьми высокой чести и справедливости и находят такой способ наказать зарвавшегося «короля», чтобы при этом пострадало не все «величество», а только его нижняя часть.

Во многих произведениях послевоенного времени можно встретить эпизодические персонажи цыган. Трудно объяснить, чем руководствуются авторы, вводя такие проходные персонажи в повествование – то ли для «украшения» действия, то ли с какой-то иной целью, в силу недостатка таланта далее не проявляемой. Появлялись и произведения, в которых, без особой мотивации, образы цыган рисовались как отрицательные.

Характерным примером может служить «милицейская» повесть советского писателя Ивана Лазутина «Сержант милиции», вышедшая в 1957 г. Если вспомнить, что 1956 г. был годом знаменитого антицыганского указа, то не вызывает удивления, что персонаж повести – таборная цыганка – оказывается ловкой воровкой. Гадая московской девушке Наташе на золоте, она просит ее на минутку выйти из комнаты, а когда та возвращается – цыганки и след простыл: на простыне цыганка спустилась с балкона второго этажа вместе с золотом [36].

Реалистично передана речь цыганки во время гадания:



«– Не я говорю, карты говорят... А вот и враг твой, крестовый король из казенного дома. Стоит крестовый король на твоём пути и хлопочет зло причинить тебе. Удар ты получишь от него. Но все его хлопоты останутся пустыми. Выручит тебя нечаянное свиданье с червонной дамой. Серьезный разговор у тебя будет с ней в твоём собственном доме. Сердце её болит о тебе, – в голове у неё ты, но очень гордая эта червонная дама. Скоро получишь казенные бумаги и неожиданное письмо. Предстоит тебе дальняя дорога. Большие перемены тебя в жизни ожидают, большие дела тебя ждут впереди. Часто страдать будешь из-за своей гордости и благородного характера. Много неприятностей тебе придется испытать из-за своей доверчивости. Много хлопот принесет тебе червонная дама. Но все дело кончится тем, что сбудется твой интерес и покорится тебе червонная дама. Не скупись, серебряный, золоти ручку – талисман подарю».

Большого таланта для написания такого диалога, впрочем, не требуется – достаточно памяти и наблюдательности.

Нам самим неинтересно проследить на страницах произведений многотысячной армии советских писателей, призванных компартией «делать нового социалистического человека» из всех якобы «цыганских» героев.

Это может быть какой-нибудь цыган-тракторист, лихо распахивающий «просторы целинных земель», из-под фуражки у него выбивается «черный как смоль» цыганский чуб и на лице блестит «белозубая улыбка» от того, что он «перевыполнил норму» этой советской пахоты. Или цыганка-ткачиха, страдавшая до этого от своей неопределенности в жизни, а теперь весело трудящаяся в «коммунистической бригаде» чутких «девчонок», живущая в «светлой комнатке» общежития и страстно целующаяся в зарослях сирени с водителем-ударником Петей.

Во всех подобных героях, написанных по социальному заказу, поверхностных и мало правдоподобных, цыганского ровно столько, сколько видит советский обыватель: смуглость, веселость, лихость и... «приверженность идеалам социализма», то есть абсолютная нежизненность.

Разумеется, в огромной армии советских борзописцев было немало людей по-настоящему талантливых и вовсе не стремившихся писать «под диктовку партии». Сегодня мы все чаще вспоминаем творчество таких писателей и поэтов, и что удивительно – многое становится ясным и в том времени, и в свойствах настоящего искусства.

Владимир Соколов, крупнейший советский поэт 50–80-х гг. XX в. написал большую балладу «Цыгане», в которой столкнул обывательское мнение о цыганах, приписывающее этому народу склонность к воровству и обману, примитивную боязнь неведомого – со своим внимательным взглядом художника. И оказалось, что там, где обыватель боязливо сплевывает через плечо и крестится, поэт видит только обычных трудовых людей с, быть может, не совсем понятным жизненным укладом [57].

*Кто шатры убирал,  
Кто сидел над тазами,  
Молотком громыхал,  
Да паял, да лудил их.  
Дети голые шумно  
На деревья влезали,  
Мух цветами сгоняли  
С грустных морд лошадиных.*

*А отцы их пестрели  
На возах, под возами,  
В свете утреннем  
Выгляды совсем не зловеще,  
И кричали друг другу  
Дикими голосами  
Очевидно,  
Совершенно спокойные вещи.*

Из стихотворения ясно следует, что именно в утреннем свете нужно и каждому, вслед за талантливим поэтом, посмотреть на цыган.

В середине 50-х гг. в Советском Союзе наступила «оттепель» – так называют время, когда коммунистическая партия вынуждена была признать «чудовищные перегибы» в политике Сталина, вслух говорить о том, что существовал культ личности этого деятеля, возложить на Сталина вину за уничтожение миллионов советских людей в концлагерях.

Поскольку с «осуждением культа личности Сталина» устройство внутренней жизни в СССР кардинально не изменилось (у руля власти ведь оставались все те же сталинцы, только чуть-чуть перекарасившиеся под «новых коммунистов»). Полуграмотный, но инициативный Хрущев решил, что к 1980 г. «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Для полного счастья ему не хватало двух вещей – насильно социализировать цыган (он выпускает указ 1956 г. по принудительному их прикреплению к месту жительства) и покончить, наконец, с религией, этим «опиумом для народа». Начинается систематическое разрушение

церквей, мечетей и синагог, как в годы хрущевской молодости, в 30-е гг. Да еще довести до конца сталинскую идею о наказании всех, кто болен «идолопоклонством перед Западом».

После «оттепели», в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. в советской действительности возникло особенное культурное явление – авторская (в другой терминологии – бардовская) песня. Явление это было начато такими поэтами, как Анчаров и Галич, Окуджава и Высоцкий, Ким и Визбор. Они взяли в руки гитары и начали делать из своих стихов песни. А песни можно было петь друзьям и знакомым, песни распространялись по стране с помощью тогда еще «бобинных» магнитофонов. И вскоре вся страна пела эти новые стихи на незамысловатую музыку.

Да и сама «чистая» поэзия начала вести себя странно: поэты стали выходить на сцены рабочих, сельских и студенческих клубов и просто... читать свои стихи. Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, которые первыми начали собирать аудитории для чтения своих стихов, получили в советской критике презрительное (с точки зрения этой критики, разумеется) прозвище «эстрадники».

Но они не стали с этим прозвищем спорить. Хорошо, эстрадники – так эстрадники. Главное – поэзия вышла напрямую к слушателю. В печати все так же свирепствовала политическая цензура, а против чтения стихов или их исполнения под гитару у коммунистов не было еще запретного механизма (признаемся – пока не было, потом они его изобретут).

Газета «Правда» выбивалась из сил, чтобы объяснить «неразумным» советским гражданам, что с цыганской вольницей пора покончить, а народ на каждой лавочке распевал под нехитрый гитарный перебор песню Новеллы Матвеевой с удивительно нежными словами и музыкой:

*Развеселые цыгане по Молдавии гуляли,  
И в одном селе богатом ворона коня украли,  
А еще они украли молодую молдаванку –  
Посадили на полянку, воспитали как цыганку.*  
[42]

Главный кремлевский идеолог Сулов поясняет «неразумному» советскому народу, что цыгане должны влиться в строительство коммунизма, а «неразумный» народ, в свою очередь, упрямо поет Матвееву, и получается вот что:

*Что же с ней, беднягой, было?  
Что же с ней, цыганкой, будет?  
Все, что было, – позабыла,  
Все, что будет, – позабудет.*

Словом, переживет цыганка и эти ваши коммунистические эксперименты, придет время – позабудет и о них!

Получалось, что авторскую песню цензура никак не умела прихватить за горло.

А когда к власти пришел «подсидевший» Хрущева на троне Брежнев, даже могущественному КГБ оказалось не под силу остановить неподцензурную авторскую песню. С экранов советского Центрального телевидения жевал слова о грядущем коммунистическом счастье беззубый Брежнев, а из каждого окна неслась лихая «Цыганочка» Владимира Высоцкого:

*Вдоль дороги – васильки,  
Дальняя дорога.  
Сердце бьется от тоски,  
А в глазах – тревога.*

Да какая же такая тревога может быть у «простых советских людей», если прикормленный советский певец Иосиф Кобзон разливается соловьем: «Не расстанусь с Комсомолом – буду вечно молодым»?!

А Владимир Высоцкий в своей «Цыганочке» упрямо констатирует, да еще с этим безнадежным и многозначительным цыганским припевом:

*В церкви – смрад и полумрак,  
Дьяки курят ладан.  
Нет, и в церкви – все не так.  
Все не так, как надо!*

*Э-эх, раз! Да еще раз!  
Да еще много-много раз!  
Лучше сорок раз по разу,  
Чем ни разу – сорок раз! [13]*

Дескать, «мели, мели Емеля – твоя неделя!» (это такая русская есть поговорка, про болтунов при власти: говори, мол, говори, пока у тебя сила, а дальше – посмотрим). И все понимают, что «церковь» – это КПСС, а «дьяки» – всеильные секретари парткомов. И «все не так, как надо» у них, у этих самодовольных «инженеров будущего».

Так цыгане и в песне помогали русскому человеку противостоять коммунистической власти.

Даже старые русские поэты словно были разбужены «оттепелью»: многие из них, десятилетиями не печатавшие ничего кроме переводов, вдруг начали публиковать собственные стихи. Так, в конце 50-х гг. отец-основатель советской детской литературы Самуил Маршак публикует стихотворение о финских цыганах:

*Хоть волосы их были русы,  
Цыганок выдавала речь  
Да в три ряда цветные бусы  
И шали, спущенные с плеч.*

*Блестя цепочками, серьгами  
И споря пестротой рубах,  
За ними следом шли цыгане  
С кривыми трубками в зубах.*

<...>

*И в этот вечер полнолуныя,  
В цыганский вечер, забрели  
В вагон гадалки и плясуньи  
Из древней сказочной земли.*

*Польнью пахло, пахло мятой,  
Влетал к нам ветер с двух сторон,  
И полевого аромата  
Был полон дачный наш вагон [41].*

Самуил Яковлевич Маршак, научившийся еще при Сталине правильно и вовремя высказываться, вовсе не случайно публикует это стихотворение вслед за знаменитым антицыганским Указом 1956 г. – уж он-то знает, когда и какие слова должен произнести настоящий поэт. Поэт откровенно любит этот племя «из древней сказочной земли» – и ни слова в поддержку инициатив ЦК КПСС по прикреплению цыган к земле.

Этому «эзопову языку» быстро научились и молодые тогда поэты.

«Эзопов язык» был взят на вооружение подсоветскими писателями и поэтами. Эзоп, как известно, был древнегреческим баснописцем и славился своим умением «сказать многое, не говоря почти ничего напрямую».

Поэты научились говорить так, что придаться непосредственно к их словам коммунистическим цензорам было трудно: в самих словах не было никакой крамола. Крамола возникала оттого, что слова произносились в конкретном советском контексте.

Если, к примеру, партия начала гонение на цыган – достаточно просто сказать о цыганах хорошие слова. И прием Эзопа срабатывает: читатель понимает, с кем его любимый автор и за кого он вступается.

Вот характерное стихотворение Беллы Ахмадулиной, в котором вроде бы просто рассказывается романтическая история («Старинный портрет»). Но это рассказ о цыгане! А газета «Правда» именно в этот момент говорит о цыганах совершенно другие вещи!

*Покорялись руки бедные,  
обнимали сгоряча,  
и взвивались пальцы белые  
у цыгана-скрипача.*

*Он опускался на колени,  
смычком далеким обольщал  
и тонкое лицо калеки  
к высоким звездам обращал.*

<...>

*И смотрел, смотрел печально,  
как, счастливая сполна,  
безрассудно и прощально  
эта женщина спала.*

*Поцелуем долгим, маетным  
приникал к ее руке,  
становился тихим, маленьким  
колокольчик вдалеке [4].*

Даже еще проще – достаточно в нужный момент, в каком-нибудь 1957–1958 году опубликовать только одно слово, и читатель сразу понимал: это знак. Вот пример из творчества безукоризненного мастера русской поэзии Арсения Тарковского («Ветер», 1958):

*Душа моя затосковала ночью.  
А я любил изорванную в клочья,  
Исхлестанную ветром темноту  
И звезды, брезжащие на лету  
Над мокрыми сентябрьскими садами,  
Как бабочки с незрячими глазами,  
И на цыганской масляной реке  
Штучий мост, и женщину в платке,  
Спадавшем с плеч над медленной водою,  
И эти руки как перед бедою.*

Мастер выстраивает для читателя ряд слов, смысл которых глубже смысла самих рифмованных строк: душа – ночь – изорванная в клочья темнота – звезды – незрячие глаза – цыганская река – штучий мост – женщина в платке – над водою – беда [58].

Совсем особое место занимают цыгане в творчестве популярного русского поэта, армянина по происхождению, Эдуарда Асадова. Это тоже, как и в случае с Мариной Цветаевой, тот самый вариант, когда из его стихотворений о цыганах можно смело составить объемистый поэтический сборник. Одно из самых известных на всем постсоветском пространстве его стихотворений – «Как цыгане поют»:

*Как цыгане поют – передать невозможно.  
Да и есть ли на свете такие слова?!*

*То с надрывной тоскою, темно и тревожно,  
То с весельем таким, что хоть с плеч голова!*

*Как цыгане поют! Нет, не сыщутся выше  
Ни душевность, ни боль, ни сердечный накал.  
Ведь не зря же Толстой перед смертью сказал:  
– Как мне жаль, что я больше цыган не услышу.*

*А вот так, по Асадову, цыгане любят:  
Говорят, что любовь цыганок –  
Только пылкая цепь страстей,  
Эх вы, злые глаза мещанок,  
Вам бы так ожидать мужей!*

*Сколько было злых январей...  
Сколько было календарей...  
В двадцать три – распростилась с мужем,  
В сорок – муж возвратился к ней.*

*Снова вспыхнуло счастьем сердце,  
Не хитрившее никогда.  
А сединки, коль приглядеться,  
Так ведь это же ерунда!*

Хочется (может быть, это и наивно) советовать учиться чувствовать и мыслить так, как это умеют поэты!

К концу 60-х – в первой половине 70-х гг. появилось более молодое, более злое и безнадежное поэтическое поколение, которое уже не удовлетворялось «эзоповым языком», писало открытым текстом горькие правдивые строки о жизни. И зачастую эти поэты даже не ставили себе цели искать возможность печататься в советских журналах. Они все поняли про коммунистическую власть и не обольщали себя надеждами, подобно поколению «шестидесятников».

Цензура уже справилась с первой оторопью от вольнолюбивых писателей и поэтов-«шестидесятников». Напечататься стало просто невозможно – цензоры искали именно «эзопов» язык. Появилась даже присказка – на каждую непонятную строчку в стихотворении редактор выпучивал глаза и допытывался: «А что это Вы тут имеете в виду?» Поэты и прозаики начали складывать неподцензурные произведения в стол.

Только после перестройки были напечатаны многие прекрасные стихи на цыганскую тему, которые в свое время не могли быть опубликованы.

Вот стихотворение «Осенняя луна» безвременно погибшего русского поэта Николая Рубцова, которого сегодня все чаще и чаще называют великим поэтом. Напечатано оно было уже только в наши дни:

*Грустно, грустно последние листья,  
Не играя уже, не горя,  
Под гнетущей погаснувшей высью,  
Над заслеженной грязью и слизью  
Осыпались в конце октября!*

*И напрасно так шумно, так слепо,  
Приподнявшись, неслись над землей,  
Словно где-то не кончилось лето,  
Может, там, за расхлябанным следом, –  
За тележной цыганской семьей!*

<...>

*Под луной этой светлой и быстрой  
Мне еще становилось грустней  
Видеть табор под бурю мгlistой,  
Видеть ливень и грязь, и со свистом  
Ворох листьев, летящий над ней... [53]*

Западному читателю может быть особенно непонятно – так чего же в этом стихотворении есть такого, что могло бы «угрожать» коммунистическому режиму? Кому мешала живописная картина меланхолического осеннего дождя, цыганской повозки, плетущейся сквозь дождь и ливень, «табор под бурю мгlistой», эта осенняя грязь и ворох листьев, эта грусть поэта?

А вот именно и мешает рубцовское стихотворение всем этим людям, которые считают, что советский человек должен бодро шагать с бодрой песней под солнцем, ведь это солнце для него чуть ли не сама коммунистическая партия над землей и зажгла! Тем и мешает это стихотворение секретарям парткомов, что «опять тут какие-то цыгане бредут! Какой-то дождь, какая-то буря, какая-то слякоть! сами они виноваты в своей судьбе, цыгане эти!»

Вот почему мешали коммунистическим идеологам такие стихи!

В тему – еще одно стихотворение, которое при самом его написании сразу предполагалось положить в стол – печатать его точно не стал бы ни один советский журнал. В 1975 г. поэтом Василием Брусом написано стихотворение «Воля» [10]. На городском базаре появляется живописная фигура цыгана:

*Сапоги ручной работы, с пряжками,  
Сердце алым врезано сафьяном в голенище –  
Шел, оборванный, и в бороду прятался,  
То ли нищий щеголь, то ль щеголеватый нищий.*

*Ничего ему не надо на базаре.  
Слева тряпки продают, картошку справа.  
Слева цыкнули, а справа обозвали.  
Он к ларьку, где «Соки-вина», прямо.*



*«– Золотой, налей стаканчик для дадору!  
Сухо в горле, будто кнутловище в горле...»*

От цыгана шарахнулись обычные посетители винного павильончика: «конокрад, бродяга – все этим сказано». Заговорил с ним только поэт, он ведь считает, что «все земляне мы, в конце концов, все – здешние».

*...А история понятная-понятная.  
Но спросил-таки его, не выдержал:  
– Где же вы, цыгане, волю вашу спрятали,  
Что осталось вам – с русскими выпивка?*

Мудрый цыган, который «из прошлого сплетен весь, как уздечка» и молодой поэт, который «скручен настоящим», долго идут в разговоре по цыганским дорогам, пытаюсь понять – где же она, воля?

*В общем, долго мы речами-то вольничали.  
Через всю прошли Россию – аж до Витебска.  
Иль уж пьян я был – не помню про свободу ничего!  
Только случай такой был. Действительно.*

Может, именно тем цыгане и не нравились коммунистическим вождям, что на них очевиднее всех не срабатывало ленинское, троцкистское, а потом и сталинское вранье. Добавим – и хрущевское вранье, и брежневское. И вранье всех этих последних коммунистических генсеков, которые вдруг стали умирать как мухи в 80-е гг. Вранье про всемирное счастье для всех людей.

«Будет людям счастье, счастье на века – у Советской власти сила велика», – пелось тогда из Кремля.

Ведь условием для того, чтобы это «счастье» получить – был отказ от себя самого и полное подчинение воле «диктатуры пролетариата» (а на самом деле – диктатуре кремлевских «мудрецов»).

Для читателя, слабо знающего ту, так называемую «советскую действительность», но старающегося понять произведения писателей и поэтов восточнославянских литератур советского периода, даем нехитрый ключ: соотносить текст с контекстом, стараться понять – пытается автор угодить кремлевским идеологам или говорит правду, хотя бы и уклончивым «эзоповым» языком.

Внимательным и уважительным интересом к цыганам проникнуто произведение известного в Беларуси прозаика Генриха Далидовича «Цыганские песни» (1984). Уже первые строки этой новеллы заставляют читателя прислушаться к словам писателя:

«В детстве я очень боялся цыган. Может быть, потому боялся, что тогда ходило про них множество самых невероятных легенд.

Когда приходилось мне в чем-нибудь провиниться, так моя мама или бабушка привычно приструнивали меня одним и тем же: „Подожди-подожди, неслух! Вот придет цыганка – мы тебя ей отдадим. Как попадешь в цыганские руки, так тогда узнаешь, как маму не слушать или бабушку!“ [21].

Разве не напоминает нам это наше собственное детство, когда расшалившегося ребенка пытаются урезонить с помощью какого-нибудь необычного, часто магического персонажа, который накажет нас за наши детские провинности?!

Герой новеллы, маленький мальчик, живет на небольшом белорусском хуторе, где (судя по биографии автора – это 50-е гг. XX в.) еще живы бесчисленные «страшные» рассказы про цыган. У одной хуторской старой девы цыгане «выцыганили» скатерть, другая крестьянка, Ганна, как зачарованная, «сама отдала в руки молодой и очень красивой черноволосой гостье» свой свадебный перстенок, а у третьего хуторянина, Петра, каким-то колдовством забрали новенькие хромовые сапоги.

«Конечно, – продолжает Г. Далидович, – рассказывая эти и другие истории, люди много преувеличивали, немало чего напридумывали сами. Не для зла или осуждения, а больше для фантазии, для развлечения, чтобы как-то разнообразить монотонное хуторское существование. Какими, по рассказам, ни были цыгане охотниками до маленьких детей, а все же ни одно, даже самое непослушное хуторское дитя никогда никуда не пропадало. А старая дева Антося, оказывается, сама отдала скатерть, а Ганна сама потеряла свой перстенок, а Петр остался без праздничной обуви потому, что однажды, возвращаясь со свадьбы, уснул на дороге, так сапоги с его ног стянул кто-то свой, деревенский» [21].

Вот и получалось, что людям легче объяснить собственную глупость и жизненные промахи действием каких-то волшебных чар.

«Одним словом, я в малолетстве долго не знал, где люди говорят правду, а где складывают придумки про это странствующее, гордое, веселое и грустное племя».

И вот однажды на хуторе появилось множество кибиток. Они остановились за недалгим леском на неурожайной пустой поляне в полумверсте от крайней хаты. «Стали табором, как сказала мама. – Должны петь и плясать, – сказал отец».

Однако со стороны табора было тихо – конечно же, устали за долгую дорогу: побывали и под солнцем, и в пыли, и под дождем, и под ветром – натрапались, истомились. Жизнь на колесах не только романтична, но все же и сурова.

А на следующий день цыгане появились в деревне – и навсегда развеяли сказки для малых детей. Оказались они людьми уважительными. Привезли с собой материй и всякой одежды на продажу, стали покупать у деревенских молоко, творог до яички. Пригласили всех на свой праздник. И весь хутор собрался на великое представление – и с медведем на цепи, и с песнями да плясками взрослых цыган и малых цыганят.

«Я люблю родные песни, – заканчивает свою новеллу Г. Далидович, – песни всех народов мира, но всегда чувствую необычное волнение, когда почую цыганский мотив. Почему-то душа моя в этот момент заслушивается, мне захочется вволю, безо всякой боязни, повеселиться или, наоборот, загрустить, остановиться там, где кибитки, темное небо и лес, костры, песни, где ты весь наполняешься дивными мечтами, становишься щедрым и потрясенным» [21].

Словно в унисон новелле Г. Далидовича, глубоким гуманистическим чувством проникнуто и стихотворение одного из старейших белорусских поэтов Алеся Бажко «Стары цыган калісті мне казаў...» («Старый цыган мне когда-то сказал...», 1984).

*Стары цыган калісті мне казаў:  
«Мы, сокол, возім гора на вазах,  
Таму нідзе прыстанку не знайшлі...»  
Зямля мая! Хоць сонцам ацасліў  
Маіх сяброў, што некалі ў лясах  
Далі мне Прагу да жіцця ў Пасаг  
І навучылі песняй даражыць.*

Слова старого цыгана, исполненные горечи жизненного опыта: «Мы, сокол, горе возим на вазах, / И потому пристанка не нашли!» вызвали в душе поэта горячий отклик. И он просит свою родную белорусскую землю осчастливить хотя бы солнцем своих друзей, что когда-то в белорусских лесах дали ему свою жажду к жизни и «научили песней дорожить» (подстрочный перевод наш – В. К.) [6].

Особое место занимают в белорусской литературе произведения на цыганскую тему признанного мастера слова Рыгора Ивановича Барадулина.

Одно из самых необычных стихотворений – его стихотворение «Птушкамі колісь былі цыганы...» (1966). Несмотря на небольшой размер (в

стихотворении всего тридцать четыре строки), – по своей энергии эпического произведения оно является притчей, создатель которой – сам поэт. Существующие переводы этого стихотворения на русский и английский языки явно неудовлетворительны – мы будем говорить о нем, привлекая наш подстрочный перевод.

Сотворенная Барадулиным легенда такова [7].

Когда-то цыгане были птицами, они кружили в теплых краях, да, видно, воли наелись так, что не смогли уже оторваться от земли. Теперь кружат их кибитки по земле, и даже по цыганским снам скачут гривастые табуны коней. До кончины нескончаем свиток дорог, дом цыгана – зеленая дубрава. И только солнце над головой – цыганское. Где ни пристанет цыган – ему надо обживаться заново, единственное, чем Бог цыган не обидел, так это цыганятами. Смуглые от костров, как желуди, видят они сны, горячие, будто кусок свежей лепешки, и курлычат небу в самое ухо про то, как холодно на севере. Сытой воли цыгане боятся – им, бывшим птицам, нужна песня, дорога и свобода.

Возможно, свойственная самой авторской манере Рыгора Барадулина парадоксальная метафоричность (птицы вволю наелись воли, да так, что перестали быть птицами; дом цыгана – зеленая дубрава, а сами они – желуди; цыгане принадлежат природе, и только солнце принадлежит цыганам) является причиной неимоверной сложности, стоящей перед переводчиками его стихотворений на другие языки.

*Патомнай цыганіцы  
Не прывыкаць па свеце тягацца.  
Варажыць, тугу варушыць  
І нічога не вырашыць.  
(«Гітара», 1969)*

При переводе этих строк с белорусского не покидает ощущение, что перед нами – сплошной поток народных поговорок и присказок: «Потомственной цыганке/ – Не привыкать по свету мыкаться./ Ворожить – тоску ворошить/ Да так ничего и не вырешить».

В одном своем стихотворении («Смех воев», 1995), посвященном автору этой книги, Рыгор Иванович Барадулин так сказал о единстве всех народов:

*Увесь наш свет – вялікі табар,  
І ўсе мы – трохі цыганы,  
Вымольваем у сонца хабар,  
У тым не чуючы віны.*

С белорусского это переводится примерно так: весь наш мир – большой табор, и мы все не-

много цыгане: вымаливаем у солнца взятку, не чувствуя за это вины.

Стихотворения Барадудина и в целом-то населены людьми самых разных наций и народов – белорусов и русских, литовцев и евреев, латышей и украинцев. Обращается он и к цыганам. Поэт неоднократно переводил на белорусский язык стихотворения цыганского поэта В. Калинина, щедрой душой откликнулся на идею организации цыганской школы и по мере возможностей помогал ее осуществлению.

И, быть может, внимание поэта к разным народам, живущим бок о бок с родными его сердцу белорусами, и есть признак действительно народного поэта, каким именуют Рыгора Барадудина в Беларуси.

#### IV

Для начала спросим, присутствуют ли цыгане в стихах и прозе восточнославянских литератур в последний, постсоветский период?

Безусловно! Более того – в этот период появилось по крайней мере одно выдающееся произведение, получившее признание не только на родине, но и в европейских странах.

Мы имеем в виду поэму «Цыганская муза» выдающейся украинской поэтессы современности Анны Костенко (род. 1932). Произведение повествует о судьбе Папуши, известной цыганской поэтессы, жившей в Польше [34].

Судьба Папуши – судьба таборной цыганки, ставшей большим национальным поэтом. Безграмотная цыганка, она начала гадать не за деньги, а чтобы ее за это обучали грамоте. И начала писать стихи, простые и ясные, доступные цыганам. Жизнь Папуши стала мукой после того, как ее начали публиковать в переводе на польский язык: это резко осуждалось стариками табора, от нее требовали не нарушать традиций, не сотрудничать с «другим» миром, не рассказывать цыганские «тайны» – ибо это принесет вред цыганам. Неуступчивая Папуша была подвергнута проклятию, что в конце концов привело поэтессу к самоубийству.

Поэма А. Костенко получила широкое признание среди цыган Европы. Известным театральным режиссером Игорем Крикуновым по поэме поставлена пьеса. Несомненно, «Цыганская муза» Анны Костенко – одно из самых выдающихся, волнующих и глубоких произведений XX в. о цыганах [34].

Осторожно оговоримся: мы считаем, что именно в эти дни современная восточнославянская литература переживает период сложной перестройки, смены вех, переоценки ценностей. Возможно, повторяется история, случившаяся

с литературой после 1917 г. – пока что цыгане остаются во многом знаком прежнего исторического периода, а на сегодняшнем историческом отрезке литераторы еще с трудом находят место хотя бы для самих себя.

Вот живущая в Иерусалиме и активно печатающаяся в Москве (и потому считающаяся русской) писательница Дина Рубина публикует большую новеллу «Цыганка». Новелла так прямо и начинается:

«Сейчас напишу об этой цыганке, о прабабке своей, о которой понятия не имею, но однажды услышала краем уха о себе: «Тс-сыганская кровь!» – отцом обреченное после очередного моего побега из школы».

Однако описывает Дина Рубина трудную жизнь еврейской девочки, девушки, женщины в СССР, а затем уже и в Израиле, вскользь пересказывает слова дальней родственницы о том, что была, вроде бы, прабабка-цыганка...

«А ничем она меня, эта самая кровь (то есть цыганская – В. К.), вроде и не беспокоит. Разве что плечи начинают ходить при первых же аккордах цыганской гитары, и по весне, в конце февраля, когда томительно пахнет былыми землями, <...> рука сама тянется пощелкать по клавиатуре компьютера – что там за скидки предлагают авиакомпании в марте-апреле?»

Во всем остальном я, конечно, принадлежу другому народу. Принадлежу, ибо не верю в бесполость, надмирность и прочую вымученную галиматю, а верю в этот плотный, телесный пахучий мир, в горячо пульсирующий стусок кровей, в узловатые корни, проросшие гены, в жадное друг к другу любопытство и страсть» [52].

Характерное признание! Писательница утверждает свою кровную связь с еврейским народом, верит «в горячо пульсирующий стусок кровей», а все же... и плечи начинают ходить ходуном при звуке цыганской гитары, и тянет ее куда-то, когда вдруг приснится запах прелой травы! Сила цыганской крови?!

Любопытно и обращение к цыганской теме российского барда Леонида Семакова [55]. Распевно и даже разухабисто начинает он «легенду», в которой лирический герой говорит о собственной матери:

*Ночью ароматною от судьбы в награду  
Полюбилась мать моя в поле конокраду.*

<...>

*Она в слезы – он неймет, замерла покорно,  
Дождалась, когда заснет – и серпом по горлу.  
Тайна эта на века канула бы в лету,  
Не родись я цыганком к лету по секрету.*

Дальше Л. Семаков начинает «творить» легенду: лирический герой вырос каким-то «медведем-шатуном», как увидит табор – идет к кострам, «к таборным цыганам» и «запускает по кругу» флягу белого вина. Да мечтает жениться на цыганке.

Разумеется, предельно наивно рассуждает автор о цыганах. Попробовал бы он это сделать на самом деле! Так просто – за флягу белого вина – цыгане и пускают в свой круг первого встречного?

Однако хорошо уже одно то, что российско-го барда завораживает сама цыганская тема. Как «создатель продукта», он, вероятно, чувствует, что у российского слушателя должен быть спрос на цыганскую тему! А ведь это – важное наблюдение: значит, есть и сегодня интерес у русского читателя и слушателя к цыганам! Ну, не будет же поэт даже пытаться писать о том, что не вызовет интереса!

Вот еще весьма характерные стихи лауреата премии журнала «Звезда» за 2005 г. Елены Ушаковой:

*Этот вежливый тренер-цыган, лошадей знаток,  
Среди юных наездников истинного жокея  
Распознал. Все увидели – руку пожал. Ездок  
От предчувствия счастья расцвел, на ходу  
краснея.*

*И когда он вышел с цыганским конем на старт,  
То озноб восторга почувствовал в чудном  
соединенье  
С благородным животным, безумный такой  
азарт,*

*Что не выиграть скачку было бы преступленьем.*

...И никто не заметил, как после победы юный жокей и «тренер-цыган» обменялись «заговорщицкой тайной улыбкой одними глазами»... [65].

Несложно заметить, что стихотворение написано современным «городским» нервным ритмом. Чем-то напоминает он ритм гумилевского стихотворения «У цыган». Только цыган здесь – совсем другой. Это тренер, знаток лошадей. Это почти «гламурное», модное у современной столичной молодежи ипподромное закулисье. И – очень теплое, человеческое содержание «тайной улыбки одними глазами» – так цыган и знаток лошадей поощряет молодого человека, в которм разглядел «истинного жокея».

Целый цикл стихотворений «Цыганское счастье» принадлежит и талантливой поэтессе Лидии Григорьевой:

*Что есть у цыгана? Душа,  
что сладко болит, обмирая,*

*когда он бредет не спеша  
под звездами чуждого края.*

<...>

*Что есть у цыгана? Закон –  
свободы, любви, безучастья.  
и смотрит герань из окон  
на злое цыганское счастье*

<...>

*Что есть у цыгана? Пустяк:  
вселенная в рваном кармане,  
начищенный лунный медяк,  
потерянный в звездном тумане [18].*

Таким, возможно и несколько романтическим, стихотворением начинается этот цикл – а вот как он заканчивается:

*Цыганка на площади, в универмаге,  
не так хороша, как на этой бумаге:  
не степи стихия ее – толчея!  
Вокзального меда полна ячeya.  
Товар, что всучит тебе эта нахалка,  
не стоит порою свечного огарка:  
он в пыль претворится, рассыплется в прах!  
И это наука – на первых порах.*

*Напрасно кусаешь ты собственный локоть:  
они научают ушами не хлопать,  
они убивают в тебе – ротозея!*

*Цыганки сидят на ступенях музея...*

Примеры могут быть многочисленными, однако, как мы уже сказали выше, о цыганской теме на современном этапе развития восточнославянских литератур умнее и плодотворнее будет поговорить лет через десять-пятнадцать, когда вполне определится содержание самого этого этапа.

Попробуем подвести некоторые итоги.

Восточнославянские поэты и прозаики с явным интересом относились и относятся к цыганской теме. Цыганам посвящено огромное количество произведений, и мы, по понятным причинам, не могли в этой главе охватить их полностью, останавливаясь лишь на примерах творчества наиболее выдающихся авторов.

Не забудем также, что зеркало литературы – зеркало особое. Отражение в нем несколько туманно и зыбко, это не фотографическое зеркало публицистики. Ведь литература, помимо всех иных задач, решает и свои собственные.

Что может означать тот факт, что поэт или прозаик избирает героем своего произведения цыгана?



Может быть, он ищет в своем персонаже что-то нужное, полезное. Что-то такое, чего, быть может, самому ему не хватает.

Возможно, автор интуитивно чувствует, что цыганский персонаж удовлетворит спрос (любопытство) читателя, о наличии которого автор интуитивно догадывается. Или наоборот – хочет столкнуть читателя с тем, что тому неведомо, но, по авторскому замыслу, необходимо.

Ведь и на самом деле – какой «прозрачной» становится цыганская тема в восточнославянских литературах, если мы попробуем ответить на вопросы о причинах появления цыган на страницах книг!

В восточнославянских обществах всегда не хватало равноправия мужчин и женщин – вот вам образы «роковых» цыганок, владеющих своей собственной свободой любить и ненавидеть!

Среди русских, украинцев и белорусов Российской империи (да и СССР) всегда тяжким было размышление о личной свободе человека – а литература предлагает легенду о цыганской воле!

Восточные славяне вовсе не такие уж мрачные, как их определил Максим Горький в «Макаре Чудре», однако некоторая эмоциональная «сонливость» (по собственному признанию многих из них) им свойственна – и вот уже литература предлагает читателю легенду о цыганском «буйстве страстей»! [15].

Мучительные моральные проблемы, от которых, прямо по Достоевскому, можно потерять голову? А вот вам легенда о том, что цыгане не моральны, они над моралью, они руководствуются чем-то другим. Судьбой, например!

И так далее, и так далее...

Вот поэтому так часты в русской, украинской и белорусской литературе примеры открытого выражения благодарности цыганам за то, что они открывают глаза на жизненные проблемы и на способы их решения – самим своим существованием.

Что же касается самого загадочного, якобы, свойства цыган – не ведомого им будто бы «чувства родины», то я скажу вам как живущий не на Родине: это не соответствует действительности. Родная земля всегда манит к себе своей неведомой силой Матери.

Почему-то венгерскому цыгану, находишься он хоть в Бразилии, снятся виноградники Токайской долины, а белорусскому цыгану – первый зимний снежок, иней на вербах и опустевшее гнездо аистов на тележном колесе, где-то там – на вершине старого сухого дерева. Это зависит от того, что называть родиной...

#### Литература / References

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/a/andreew\\_l\\_n/](http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/) / Andreev L. N. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/a/andreew\\_l\\_n/](http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/)
2. Апухтин А. Н. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/a/apuhtin\\_a\\_n/](http://az.lib.ru/a/apuhtin_a_n/) / Apukhtin A. N. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/a/apuhtin\\_a\\_n/](http://az.lib.ru/a/apuhtin_a_n/)
3. Асадов Э. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. In: <http://lib.rus.ec/a/577> / Asadov E. In: El. biblioteka LIBRUSEK. In: <http://lib.rus.ec/a/577>
4. Ахмадулина Б. А. Стихотворения. М.: ЭКСМО, 2008. 480 с. / Akhmadulina B. A. Stikhotvoreniia. M.: EKSMO, 2008. 480 s.
5. Ахматова А. А. Стихотворения. М.: АСТ, 2009. 332 с. / Akhmatova A. A. Stikhotvoreniia. M.: AST, 2009. 332 s.
6. Бажко А. «Стары цыган калісті мне казаў...». Мінск: ЛіМ, 1984, № 22. / Bazhko A. «Stary tsygan kalisti mne kazaў...». Minsk: LiM, 1984, nr. 22.
7. Барадулин Р. И. Збор твораў ў 5 тамах. Т. 1. Мінск: «Мастацкая літаратура», 1995. / Baradulin R. I. Zbor tvoraў ў 5 tamakh. T. 1. Minsk: «Mastatskaia litaratura», 1995.
8. Баратынский Е. А. Избранное (вступ. ст. Латышева М.). М.: Terra-Книжный клуб, 2003. 368 с. / Baratynskii E. A. Izbrannoe (vstup. st. Latysheva M.). M.: Terra-Knizhnyi klub, 2003. 368 s.
9. Блок А. Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1982. / Blok A. Sobranie sochinenii v 6-ti tt. T. 3. L.: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
10. Брус В. Звериный стиль. Стихотворения. Витебск: Западная Двина, 1997. 112 с. / Brus V. Zverinyi stil'. Stikhotvoreniia. Vitebsk: Zapadnaia Dvina, 1997. 112 s.
11. Брюсов В. Я. Поэзия и проза. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/b/brjusow\\_w\\_j/](http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/) / Briusov V. Ia. Poeziia i proza. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/b/brjusow\\_w\\_j/](http://az.lib.ru/b/brjusow_w_j/)
12. Власов А., Млодик А. Армия трясогузки. In: <http://bookz.ru/authors/aleksandr-vlasov-arkadii-mlodik/tryasoguzka.html> / Vlasov A., Mlodik A. Armiiia triasoguzki. In: <http://bookz.ru/authors/aleksandr-vlasov-arkadii-mlodik/tryasoguzka.html>
13. Высоцкий В. С. Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/18989> / Vysotskii V. S. El. biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/18989>
14. Гоголь Н. В. In: Публичная электронная библиотека. <http://public-library.na-rod.ru/Gogol.Nikolai/> / Gogol' N. V. In: Publchnaia elektronnaia biblioteka. <http://public-library.na-rod.ru/Gogol.Nikolai/>
15. Горький М. Проза. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/g/gorxkij\\_m/](http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/) / Gor'kii M. Proza. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/g/gorxkij\\_m/](http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/)
16. Гребенка Е. П. Твори у 3 т. Т. 1. Вступ. ст. С. Д. Зубкова (на укр. яз., тексты на языке оригинала). Київ, 1980–1981. / Grebenka E. P. Tvoru u 3 t. T. 1. Vstup. st.

- S. D. Zubkova (na ukr. iaz., teksty na iazyke originala). Kii, 1980–1981.
17. Григорьев А. А. Стихотворения и поэмы. Сост., вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1978. / Grigor'ev A. A. Stikhotvoreniia i poemu. Sost., vstup. st. i primech. B. F. Egorova. M., 1978.
  18. Григорьева Л. In: <http://www.stihi.ru/2008/10/13/3000> / Grigor'eva L. In: <http://www.stihi.ru/2008/10/13/3000>
  19. Гумилев Н. Стихи. In: Антология русской поэзии. <http://www.stihi-rus.ru/1/gumilev/> / Gumilev N. Stikhi. In: Antologiiia russkoi poezii. <http://www.stihi-rus.ru/1/gumilev/>
  20. Давыдов Д. В. Сочинения. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/d/dawydow\\_d\\_w/](http://az.lib.ru/d/dawydow_d_w/) / Davydov D. V. Sochineniia. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/d/dawydow\\_d\\_w/](http://az.lib.ru/d/dawydow_d_w/)
  21. Далідовіч Г. Жывы покліч. Вывбранае. Мінск: Мастацкая літаратура, 1995. 558 с. / Dalidovich G. Zhyvy poklich. Vyvbranae. Minsk: Mastatskaia literatura, 1995. 558 s.
  22. Державин Г. Р. Сочинения. Под ред. Я. Грота. Т. 1–9. 1864. Т. 3. / Derzhavin G. R. Sochineniia. Pod red. Ia. Grot. T. 1–9. 1864. T. 3.
  23. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/d/dostoevskij\\_f\\_m/](http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/) / Dostoevskii F. M. Sobraie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/d/dostoevskij\\_f\\_m/](http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/)
  24. Дюма А. Собрание сочинений. Т. 57: Княгиня Монако (пер. с франц. Паниной Н.; комм. Гейсмана А.). М.: Арт-Бизнес-Центр, 2004. 450 с. / Diuma A. Sobraie sochinenii. T. 57: Kniaginia Monako (per. s frants. Paninoi N.; komm. Geismana A.). M.: Art-Biznes-Tsentr, 2004. 450 s.
  25. Есенин С. А. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/e/esenin\\_s\\_a/](http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/) / Esenin S. A. Sobraie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/e/esenin\\_s\\_a/](http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/)
  26. Загоскин М. Н. In: «Русские романсы». М.: «Виктория плюс», 2006. 192 с. / Zagoskin M. N. In: «Russkie romansy». M.: «Viktoria plus», 2006. 192 s.
  27. Калинин А. Цыган. In: [http://fictionbook.ru/author/kalinin\\_anatoliyi\\_veniami-novich/](http://fictionbook.ru/author/kalinin_anatoliyi_veniami-novich/) / Kalinin A. Tsygan. In: [http://fictionbook.ru/author/kalinin\\_anatoliyi\\_veniami-novich/](http://fictionbook.ru/author/kalinin_anatoliyi_veniami-novich/)
  28. Каверин В. А. In: Эл. Библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/17974> / Kaverin V. A. In: El. Biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/17974>
  29. Кедрин Д. Вкус узнавший всего земного... Серия «Поэтическая библиотека». М.: Время, 2001. 576 с. / Kedrin D. Vkus uznavshii vsego zemnogo... Seriiia «Poeticheskaia biblioteka». M.: Vremia, 2001. 576 s.
  30. Кемецкий В. Гаданье. In: <http://gedichtephys.kiev.ua/Kemetsky.php> / Kemetskii V. Gadan'e. In: <http://gedichtephys.kiev.ua/Kemetsky.php>
  31. Клычков С. А. In: Эл. Библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/5961> / Klychkov S. A. In: El. Biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/5961>
  32. Коцюбинский М. М. Произведения в 2-х тт. (на укр. яз.). Академия наук Украинской ССР. Серия: Библиотека украинской литературы. Дюктябрьская украинская литература. Киев: Наукова думка, 1988. 584 с. + 496 с. / Kotsiubinskii M. M. Proizvedeniia v 2-kh tt. (na ukr. iaz.). Akademiia nauk Ukrainkoi SSR. Seriiia: Biblioteka ukrainskoi literatury. Dooktiabr'skaia ukrainskaia literatura. Kiev: Naukova dumka, 1988. 584 s. + 496 s.
  33. Кобылянская О. Ю. Избранные сочинения. Киев: Дніпро, 1977. 687 с. / Kobylanskaia O. Iu. Izbrannye sochineniia. Kiev: Dnipro, 1977. 687 s.
  34. Костенко А. In: Стихи.ру / <http://www.stihi.ru/avtor/annette1610> / Kostenko A. In: Stikhi.ru / <http://www.stihi.ru/avtor/annette1610>
  35. Купала Я. Вершы. Паэмы. П'есы. Мінск: Харвест, 2007. 704 с. / Kupala Ia. Vershy. Paemy. P'esy. Minsk: Kharvest, 2007. 704 s.
  36. Лазутин И. Г. Сержант милиции: Повесть; Обрывистые берега: Роман. М.ЦП, 2003. / Lazutin I. G. Serzhant militsii: Povest'; Obryvistye berega: Roman. M.TsP, 2003.
  37. Ларионова О. Подсадная утка. In: [http://bookz.ru/authors/larionova-ol\\_ga/ccdaebd46fcf.html](http://bookz.ru/authors/larionova-ol_ga/ccdaebd46fcf.html) / Larionova O. Podsadnaia utka. In: [http://bookz.ru/authors/larionova-ol\\_ga/ccdaebd46fcf.html](http://bookz.ru/authors/larionova-ol_ga/ccdaebd46fcf.html)
  38. Лермонтов М. Ю. Либретто оперы «Цыгане» по А. С. Пушкину. In: журнал «Отечественные записки» (т. 125, № 7, отд. I, с. 26–27). статья С. С. Дудышкина «Ученические тетради Лермонтова». / Lermontov M. Iu. Libretto opery «Tsygane» po A. S. Pushkinu. In: zhurnal «Otechestvennye zapiski» (t. 125, № 7, otd. I, s. 26–27). stat'ia S. S. Dudyshkina «Uchenicheskie tetradi Lermontova».
  39. Лесков Н. С. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/l/leskow\\_n\\_s/](http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/) / Leskov N. S. Sobraie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/l/leskow\\_n\\_s/](http://az.lib.ru/l/leskow_n_s/)
  40. Мандельштам О. Э. In: Эл. Библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/18127> / Mandel'shtam O. E. In: El. Biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/18127>
  41. Маршак С. Я. In: Эл. библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/31213> / Marshak S. Ia. In: El. biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/31213>
  42. Матвеева Н. Н. In: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/matveeva.html> / Matveeva N. N. In: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/matveeva.html>
  43. Мериме П. Кармен. Новеллы (пер. с франц. Кузмина М., Смирнова А., Гаршина В. и др.). М.: «СП», 1978. / Merime P. Karmen. Novelly (per. s frants. Kuzmina M., Smirnova A., Garshina V. i dr.). M.: «SP», 1978.
  44. Молчанова Л. Детство Лены. М.: Детгиз, 1958. 96 с. / Molchanova L. Detstvo Leny. M.: Detgiz, 1958. 96 s.
  45. Нагибин Ю. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/PROZA/NAGIBIN/> / Nagibin Iu. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/PROZA/NAGIBIN/>
  46. Некрасов Н. А. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/n/nekrasow\\_n\\_a/](http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/) / Nekra-

- sov N. A. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/n/nekrasow\\_n\\_a/](http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/)
47. Островский А. Н. Полное собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/o/ostrowskij\\_a\\_n/](http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/) / Ostrovskii A. N. Polnoe sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/o/ostrowskij\\_a\\_n/](http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/)
48. Пастернак Б. Л. In: Эл. Библиотека ЛИБРУСЕК. <http://lib.rus.ec/a/19779> / Pasternak B. L. In: El. Biblioteka LIBRUSEK. <http://lib.rus.ec/a/19779>
49. Подревский К. In: <http://www.pagan.ru/lib/books/pesennik/romance/ehalinatroj-ke.php> / Podrevskii K. In: <http://www.pagan.ru/lib/books/pesennik/romance/ehalinatroj-ke.php>
50. Полонский Я. П. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/p/polonskij\\_j\\_p/](http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/) Polonskii Ia. P. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/p/polonskij\\_j\\_p/](http://az.lib.ru/p/polonskij_j_p/)
51. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. Т. 4. М.: Наука, 1965. / Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii v 10-ti tt. T. 4. M.: Nauka, 1965.
52. Рубина Д. Произведения. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/NEWPROZA/RUBINA/> / Rubina D. Proizvedeniia. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/NEWPROZA/RUBINA/>
53. Рубцов Н. Стихи. Антология русской поэзии. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/rubcov/> / Rubtsov N. Stikhi. Antologiia russkoi poezii. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/rubcov/>
54. Санд Ж. Консуэло. In: Библиотека всемирной литературы. М.: ИХЛ. 1968. 385 с. / Sand Zh. Konsuelo. In: Biblioteka vseмирnoi literatury. M.: IKhL. 1968. 385 с.
55. Семаков Л. Привет.ру – музыкальные альбомы. In: [http://music.privet.ru/user/doc-tor\\_955/album/104134446/](http://music.privet.ru/user/doc-tor_955/album/104134446/) Semakov L. Privet.ru – muzykal'nye al'bomy. In: [http://music.privet.ru/user/doc-tor\\_955/album/104134446/](http://music.privet.ru/user/doc-tor_955/album/104134446/)
56. Смеляков Я. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/Smelyakov/65.htm> / Smeliakov Ia. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/Smelyakov/65.htm>
57. Соколов В. Н. Избранное. М.: Молодая гвардия, 2007. / Sokolov V. N. Izbrannoe. M.: Molodaia gvardiia, 2007.
58. Тарковский А. А. Стихотворения. М.: У-Фактория, 2006. 544 с. / Tarkovskii A. A. Stikhotvoreniia. M.: U-Faktoriia, 2006. 544 с.
59. Толстой Л. Н. Проза. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/t/tolstoj\\_lew\\_nikolaewich/](http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/) / Tolstoi L. N. Proza. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/t/tolstoj\\_lew\\_nikolaewich/](http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/)
60. Трус П. Поэма «Цыганка». Минск: «ЛіМ», 1993, № 9. / Trus P. Poema «Tsyganka». Minsk: «LiM», 1993, nr. 9.
61. Тургенев И. С. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/t/turgenew\\_i\\_s/](http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/) / Turgenev I. S. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/t/turgenew\\_i\\_s/](http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/)
62. Уткин И. Стихи. Антология русской поэзии. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/utkin/> / Utkin I. Stikhi. Antologiia russkoi poezii. In: <http://www.stihi-rus.ru/1/utkin/>
63. Ушакова Е. «Этот вежливый тренер-цыган, лошадей знаток...». М.: Звезда, 2005, № 6. / Ushakova E. «Etot vezhliyvi trener-tsygan, loshadei znatok...». M.: Zvezda, 2005, nr. 6.
64. Филиппов Б. А. (Филистинский Б. А.) Всплывшее в памяти. Лондон, 1990. / Filippov B. A. (Filistinskii B. A.) Vsplyvshee v pamiati. London, 1990.
65. Франко І. Я. Зібрання творів. У 50 тт. Т. 27. Київ, 1983. / Franko I. Ia. Zibrannia tvoriv. U 50 t. T. 27. Kiiv, 1983.
66. Цветаева М. И. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/POEZIQ/CWETAEWA/> / Tsvetaeva M. I. In: Lib.Ru: <http://lib.ru/POEZIQ/CWETAEWA/>
67. Шаламов В. Собрание сочинений в 3-х тт. Т. 2. М.: ХЛ-Вагриус, 1998. / Shalamov V. Sobranie sochinenii v 3-kh tt. T. 2. M.: KhL-Vagrius, 1998.
68. Шевырев С. П. Цыганская песня. Московский вестник, 1828, ч. 10, № 15, с. 320. / Shevryev S. P. Tsyganskaia pesnia. Moskovskii vestnik, 1828, ch. 10, nr. 15, s. 320.
69. Шевырев С. П. Собрание сочинений. In: Lib.Ru/Классика: [http://az.lib.ru/s/shewyrew\\_s\\_p/](http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/) / Shevryev S. P. Sobranie sochinenii. In: Lib.Ru/Klassika: [http://az.lib.ru/s/shewyrew\\_s\\_p/](http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/)
70. Шолохов М. А. Собрание сочинений. В 8-ми тт. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956–1960. / Sholokhov M. A. Sobranie sochinenii. V 8-mi tt. M.: Gos. izd-vo khudozhestvennoi literatury, 1956–1960.

**Valdemar Kalinin** (Londra, Anglia, Marea Britanie). Președintele Societății Misionare a Romilor din Baltica.

**Вальдемар Калинин** (Лондон, Англия, Великобритания). Председатель Балтийской цыганской миссии.

**Valdemar Kalinin** (London, England, United Kingdom). The chairman of Baltic Romani Missionary Society.

**E-mail:** v.kalinin@btinternet.com

**ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7473-6550>